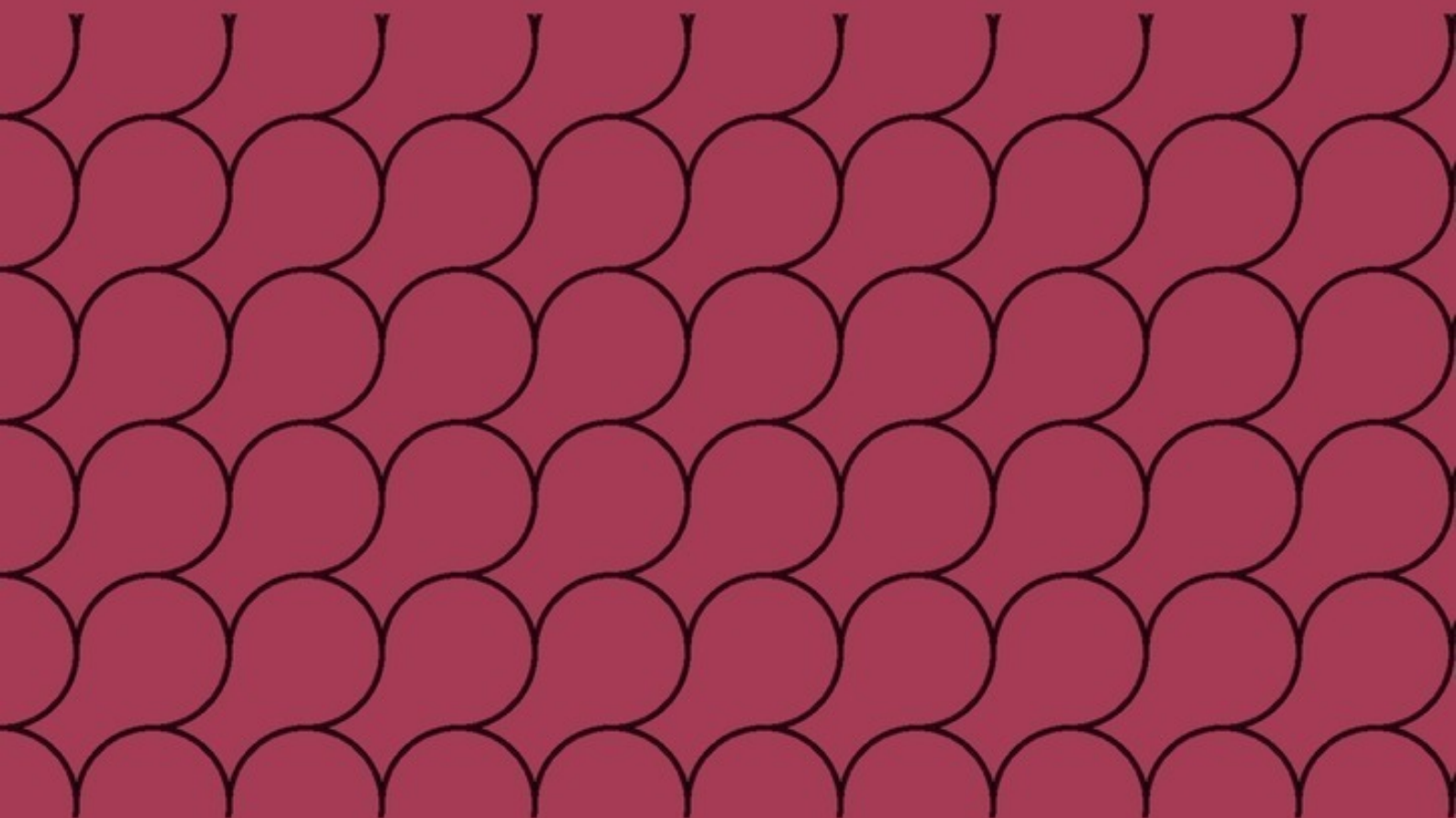

Александр Карнишин

**СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ**

Александр Карнишин

**Сборник фантастических
рассказов**

«Издательские решения»

Карнишин А.

Сборник фантастических рассказов / А. Карнишин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749030-0

Сборник фантастических рассказов, написанных в разные годы и по разному поводу. В основном это так называемая социальная фантастика и юмористическая фантастика.

ISBN 978-5-44-749030-0

© Карнишин А.
© Издательские решения

Содержание

Цвет небесный	6
Хорошая работа	9
Аттракцион	12
Будет ласковый дождь	17
Борьба с кошмарами	19
Пришелец из будущего	22
Время – деньги!	24
Смерть гения	29
Доброволец	32
Дождь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сборник фантастических рассказов

Александр Карнишин

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цвет небесный

*Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.*

Н. Бараташвили

– Цвет небесный, черный цвет, полюбил я с юных лет...

Говорят, раньше писали и пели вслух «синий цвет». Но это потому только, что глубоко в подземельях видели они не настоящее небо, а потолок. Потолок, выкрашенный синей масляной краской. Было такое время, когда все и везде красили толстым слоем синей краски. И она сползала жирными потеками по стенам. Даже через года ковырнешь такую «соплю» на стене, а внутри – мягкое, и даже еще мажется. Синее. Вот и пели про синий цвет. Как дети малые. Им бы на волю выйти, подняться на поверхность хоть раз. Нет никакого небесного синего цвета. Есть – черный. И на черном – белое солнце. Белое, это если смотреть без светофильтра. Но так смотреть нельзя. «Поймаешь зайчика», потом весь день до ночи щуриться будешь. А то и конъюнктивит начнется, лечиться надо будет. А работать тогда кому? А вот если быстро повернуться – и сразу назад, лицом в тень. Вот тогда точно успеешь заметить, что солнце – белое-белое. Такого цвета вообще не бывает. Такого белого и жестокого. От солнечного света все на поверхности имеет только два цвета. Или черное – это если в тени. Или белое. Такое белое, что даже под светофильтрами глаза щурятся. Два цвета! А они – «синий цвет, синий цвет»...

– С детства он мне означал черноту иных начал...

Стихи – они на самом деле очень полезная штука. Это сейчас просто совсем некому стало сочинять. Всем надо руками работать. А раньше были такие специально обученные люди – писатели и поэты. Они не работали нигде, а только писали стихи. То есть, писать стихи – это такая вот у них и была работа. И паек был, и все прочее, как у остальных. Так ведь не понимали они тогда своего счастья! Хотели все больше и больше! А теперь-то вообще некому стало писать. Иногда рифмуются строчки у ребят, да некогда бывает даже записать, черкнуть на бумажке. Потому что работа, работа и работа. И сон. Тяжелый черный сон. Без сна просто никак нельзя. Потому что с утра снова на работу.

А, так про стихи-то! Полезны они своим ритмом. Если их читать про себя или полусшепотом, то весь организм в этом ритме действует. И дыхание нормализуется, и сердечный ритм – все в соответствие приходит. Идешь так, раз-два – переступаешь, дышишь тяжело, а сам прокручиваешь в голове стих какой-нибудь. И вроде легче сразу становится.

Черное и белое – вот, выходит, основа основ. И в книгах старых так и написано, как понимали древние начало всего. Смешал, мол, бог тьму со светом и получилась у него твердь земная. Вот и вопрос вам простой сразу: а какого же цвета была та тьма? Какого – свет? А? Вот, то-то. И нечего больше выдумывать. Два цвета в мире. Всего два – черный и белый.

Там, под землей, под километром почвы и бетона, можно красить, как угодно. Хоть синей по потолку, хоть красной по полу, хоть желтую полосу по маршруту эвакуации – это уже ни на что не влияет. Изначально – черный и белый.

– Он прекрасен без прикрас, этот цвет любимых глаз...

Вот же еще одна явная подсказка. Тут и биологом быть не надо – просто открыть свои глаза. Посмотреть в зеркало. Вокруг глянуть. Сказано же в древних книгах, что черные глаза – это доминантный признак. А всякие прочие цвета – рецессивные. Доминанта – значит, главный. Черные глаза у меня. И у тебя – черные. И не надо придумывать ничего иного. И поэт

в древности понимал. Поэтому и писал, что цвет любимый – это цвет глаз. Черный, то есть. Тут уже не поспоришь. Тут придумывать не надо ничего. А другие цвета – это в лучшем случае такие цветные линзы. Это «обманка». На самом деле глаза – черные. И небо – черное. И тень – черная. Вот и выходит, что сначала все было черным – вот он, цвет изначальный. А потом – бух! Взрыв такой первичный самый. И появился еще белый цвет. Но вот чисто белых глаз просто не бывает.

– Это цвет моей мечты, это краска высоты...

Вот и видно, что поэт – умница. Конечно, цвет высоты. Какой там цвет? А ты выйди на поверхность, подними голову, да погляди вверх. Ну? Какой цвет высоты? Черный! Какие же правильные стихи писали люди. А эти, что никогда не были на открытом пространстве, просто извратили в позднейших переписываниях и перепечатываниях. Додумали за автора. Придумали свое. Ну, если несколько поколений над головой видят потолок, крашенный синей масляной краской, так они везде во все книги «синее небо» и вставили.

– Это легкий переход в неизвестность от забот, и от плачущих родных на похоронах моих.

Вот же идиоты – эти переписчики, а! Даже переписать хитро не сумели. Если уж сказано о похоронах – какой цвет имеется в виду? Всего два траурных цвета знает история цивилизации. Черный и белый. Так если все стихотворение, выходит, о черном цвете, то и похороны – в черном. Это же ясно даже двоечнику! Вот все и выясняется только теперь. Все эти описания, все эти выдуманные цвета. Сюда бы их, спорщиков и радетелей за истинную литературу. Сюда, к нам, к настоящим работникам, на поверхность! Пусть кайлом тут помашут. Пусть дорогу пробьют. Пусть поглядят на небо, на звезды. На стены пусть поглядят. Какой цвет? Где они тут свой любимый синий найдут? Получается, кстати, что поэт-то как раз был правильный, из наших. Не бездельник. Видел небо и видел свет и тьму. Вот искренне и написал про цвет любимый, черный цвет.

А эти, которые только в подземелье сидеть, бездельники, позже просто переписали. Скучно им было. Вот стихи и переделали.

Все, конец вахты. Пора под крышу. Завтра опять сюда – работы еще много. Хорошо бы этих, что стихи толкуют по-дурацки, сюда же. Уж тогда поломались бы, потрудились на общую пользу.

Бесшумно открывается люк. Потом так же бесшумно закрывается – уже сзади. Еще пять минут под ярким белым светом, уничтожающем любую биологическую активность на поверхности скафандра. Даже микробов уничтожает. Только тогда пускают воздух, и появляется звук. С чавканьем отлипают внутренний люк. Почти дома. Еще пара шагов. Надо бы доложиться старшему по вахте.

– На сегодня закончил, шеф! Пойду отдыхать?

Кресло бесшумно поворачивается. В нем знакомая мощная фигура старшего.

...И белое лицо. Абсолютно белое лицо! Страшное белое лицо с ярко-синими глазами!

– Ё-ы-ы..., – говорит сидящий в кресле, протягивая руки растопыренными пальцами вперед.

У него мощные длинные руки. Он поднимает их вверх и сдирает с себя белую кожу, кидает ее на пол вместе с синими глазами...

– А-а-а! Черт, черт, черт! Блин, я же чуть...

– Ха-ха-ха! Иди уже, отдыхай, герой! Так, говоришь, черный цвет?

– Идиот ты, шеф! И шутки твои идиотские. Кто же так шутит!

Ноги трясутся и подламываются. Сердце заходится. И хоть теперь в кресле сидит тот, кому положено, светло смотрит, смеется ярко белыми на черном лице зубами, но, черт же поберет...

– Шеф, ну, не надо так больше, а? Я же не выдержу... Или пальну с бедра, или свалюсь тут. Страшно ведь!

Еще бы не страшно. Все люди – как люди. Нормальный цвет лица – черный. Глаза черные. Только белки глаз белые и зубы. Все остальное – черное.

А тут – такой страх, такой ужас!

– Иди, иди, отдыхай. Я сейчас вторую смену потренирую на реакцию... Ха-ха-ха!

Смеется еще, гад.

Теперь-то видно, что это просто маска была из бумаги.

Но как же страшно!

Домой, домой. Туда, где под синими потолками стоят многоярусные койки, где свои вокруг, где можно перед сном обсудить древнее стихотворение и повосхищаться вместе с друзьями гениальности и прозорливости древнего поэта.

Хорошая работа

Сегодня Ольге сначала даже повезло. Она бежала на работу, боясь опоздать, когда сзади просигналила попутная маршрутка. И довезли ведь почти до самых дверей! Вот только пройти сразу не удалось. Когда она махнула пластиковым пропуском по щели приемника, дверь как будто задумалась на мгновение, а потом выдала противным механическим голосом:

– Еще сто метров.

Ну, да, да... Вчера Ольга не гуляла. Сегодня на маршрутке доехала. Вот шагомер и посчитал, что норма по движению не выполнена. Ничего тут не поделаешь.

Она спустилась с высокого крыльца и промаршировала два раза вокруг вышки офиса. Опять подошла к двери. На этот раз щелкнуло, звякнуло, и загорелась зеленая лампочка. Можно входить. Двери давно перестали сами открываться. Еще тогда, когда было принято решение о необходимости физических усилий для офисных работников. С натугой, упираясь обеими ногами, Ольга отодвинула дверь и влетела в фойе. Поговаривали, что на дверь теперь подвесили рычаг насоса, и он им вроде бы экономит электроэнергию, подкачивая воду во все сливные бачки.

У лифта ее остановил лифтер в красном берете.

– Минуточку, – сказал он вежливо. – Еще раз, пожалуйста, только помедленнее.

Ольга вернулась к входной двери и прошла к лифтам еще раз.

– Прошу прощения, – лифтер внимательно смотрел на экран своего коммуникатора, – Но вам – по лестнице.

Черт-черт-черт... Ну, бывает, погуляла вчера, расслабилась. Позволила себе всего-то один лишний кусок такого вкусного торта. Но ведь не каждый же день!

– У вас перебор около пятисот граммов. Тут точность такая – по полкило туда или сюда, – извиняющимся тоном сказал лифтер и снова показал рукой на стеклянные двери, ведущие на лестницу.

А время-то уходит!

Ольга рванулась к лестнице, поскользнулась на гладком мраморном полу («как корова» – подумала она еще сама про себя), больно стукнулась коленом, плечом продавила дверь и кинулась, прихрамывая и перехватывая обеими руками перила, вверх по лестнице.

В свой кабинет она вбежала за пятнадцать секунд до сигнала о начале рабочего дня. Рухнула за стол, и тут же взвилась: после короткого стука в дверь зашел какой-то мужик и стал что-то нудно спрашивать, совать ей какие-то бумаги, говорить неприятным голосом непонятные слова...

– Выйдите! – страшно сказала Ольга, вытаращив глаза. – Вы что, не видите, что я занята? Вас вызовут!

Мужчина, извиняясь, ретировался, а она рухнула на стул, хватая воздух ртом.

– Ольга Александровна, – тут же произнес, откашлявшись, динамик над дверью. – В обеденный перерыв зайдите к психологу, будьте добры.

Она чуть не плакала уже. Вот ведь, не задался день... Сначала, вроде, повезло, а потом... Бежала, колготки порвала, ушиблась, на посетителя наорала, к психологу вот теперь... И вес еще. А ведь уже давно не девочка. Понимать должна.

Потом Ольга вошла в рабочую колею. Она выслушивала, переспрашивала, проверяла бумаги, отвечала на вопросы, ставила визу, объясняла, здоровалась и прощалась, улыбалась, кивала головой, поднимала брови, снова улыбалась...

Ровно в одиннадцать прозвучал гонг. Она закрыла дверь, встала перед видеоглазом и проделала под диктовку весь положенный ей комплекс упражнений, покряхтывая иногда при нагибаниях и приседаниях и страшно жалея себя.

Потом был еще час приема граждан. А после наступило время обеденного перерыва.

В столовой по ее пропуску ей дали плоскую тарелку пресной овсянки и полстакана сока. Воду же можно было брать, сколько захочешь. Простую кипяченую воду. Времени на обед, выходит, почти не потрачено, и Ольга поднялась к психологу. Пешком, опять пешком. В лифт все еще не пускали.

– Ну, Ольга Александровна, и что у нас с вами плохого? – улыбалась молоденькая симпатичная психологиня.

И тут Ольга не выдержала. Она выдала все, что накопилось с утра. И про молодых и стройных, и про кусочек торта, и про столовую эту проклятую, и про маршрутку, и про лестницу вверх-вниз, и про погоду, и...

Остановили ее дрожащие губы и слезы, огромные слезы, скатывающиеся из прекрасных черных глаз девушки-психолога.

– За что вы меня так ненавидите? – шмыгала та носом. – Я ведь тоже работаю. И не меньше вашего, между прочим! И моя работа еще как нужна людям! Нужна! Вот. А вы... А меня...

Ольге вдруг стало нестерпимо стыдно. Она как будто увидела себя в двадцать с небольшим перед такой вот коровищей – это она так про себя подумала.

– Вы уж простите, – чуть не заплакала она сама. – Это просто гормональное, наверное. Мне же уже сорок... И я – вот. Одна.

– Так вы детей хотите, что ли? – тут же перестала плакать и нацелилась карандашом в блокнотик психолог.

– Какие дети, что вы? Мне бы просто тепла, что ли, побольше, да плечо покрепче, на которое опереться, да спину, за которой иногда можно спрятаться и отоспаться... А у меня вот – полкило. И овсянка. И работа вот до семи каждый день.

И начальник отдела Ольга Александровна сама чуть не захлопала носом, жалея себя.

– Что вы, что вы? – засуетилась психолог, подавая стакан с водой и пачку салфеток. – Все у вас будет хорошо! Я вам обещаю! Вся корпорация в моем лице обещает!

Ну, если сама корпорация, думала Ольга, поднимаясь уже на лифте к себе. Вот, кстати, еще и слезы тоже сжигают калории, подумала она еще перед началом второй половины дня.

Потом снова была привычная работа. А за час до ее окончания репродуктор снова откашлялся и уже другим голосом, не таким казенным, сказал:

– Ольга Александровна! Руководство приняло решение дать вам сегодня лишний час отдыха. Но только зайдите предварительно в кадры, пожалуйста.

Она привычно принялась исполнять распоряжение: растасовала свою очередь по девочкам, убрала бумаги в стол, а что положено – в большой сейф, закрыла дверь и спустилась вниз, в кадры.

Там ее встречали «старые грымзы» – почему-то именно в кадрах работали самые старые работницы. Но Ольга улыбнулась им почти искренне. И они заулыбались в ответ, перемигиваясь и пересматриваясь, будто намекая, что им что-то такое известно.

– Вот тут, пожалуйста, подпись, и вот тут еще...

– Что это?

– Подписывайте, подписывайте вот тут и вот тут. Это вот заявление в ЗАГС – там требуется собственноручная подпись. А это – заявление руководству на трехдневный отпуск.

– Я ничего не понимаю, – растерялась Ольга. – Как – ЗАГС? Почему – ЗАГС?

– Ну, как же, девушка. Вы у нас завтра замуж... Мы уж вам подобрали, подобрали... Вот, Сан Саныч – и не пьет, и не курит, спортом увлечен, в походы ходит, песни под гитару поет. И возраст у него не самый последний. Тут мы уже все посчитали: вашей зарплаты, обоих вместе, хватит на ипотеку, так и с жильем обоим сразу станет проще. И корпорации, понимаете,

лучше: вместо двух холостых с кризисами и лишним налогом – новая ячейка общества, новая семья. И вообще...

Ольга, слушая, механически расписывалась. А потом вдруг спохватилась:

– Да как же это? Я же и не знаю его совсем?

– И что? Вам, девушка, знакомства нужны или муж? Плечо теплое, спина надежная? А? Вы думаете, где лучше знают все о кадрах? Здесь, в кадрах! Вот вам – лучшее на сегодня. Берите девушка, берите. Завтра, в общем, регистрация у вас, потом три дня – но следите за собой, не распускайтесь!

– А вдруг он мне не понравится? – испугалась Ольга. На самом деле, она испугалась, что не понравится ему. Мало ли чем. Вот не понравится – и все. И как тогда?

– Гос-с-споди... Да причем здесь нравится, не нравится? Вы себе не ухажера какого-то – мужа получаете. В полную, можно сказать, собственность. И уж воспитывайте, как вам надо. Стригите там или брейте, подбирайте правильные одеколоны... Ну, не знаю, что там еще. Ну, и за своей формой следите, конечно. А то вон, в карточке отметка – пешком сегодня полдня ходили...

Домой Ольга тоже пошла пешком, отмахиваясь от навязчивых таксистов и притормаживающих попутных маршруток.

Завтра у нее, выходит, начиналась совершенно новая жизнь. У нее теперь будет муж. Александр Александрович. Саша. Ей нравилось это имя. И нравилась эта работа. Ну, если вдуматься, как бы и где бы она в свои сорок нашла себе... Хотя... Она посмотрела на небо, ища звезды, вспомнила слово «романтика», усмехнулась, махнула опять рукой очередному «дэвушка, куда ехать, а?», и раз-два, раз-два энергично шагая, пошла домой.

Надо было убираться, потом гладить костюм. Еще надо в парикмахерскую успеть. И заказать что-то из еды. Завтра же у нее свадьба.

Нет, все же хорошая у нее работа, что там ни говори.

Аттракцион

За окном гостиницы плыл туман, сквозь который смутно просвечивались высокие деревья старого запущенного парка внизу у гостиницы. Парки сейчас везде как-то запущены и неухожены. Да и никто туда уже не ходит, кажется.

Туман растекался тонкими ручьями, спускался с высоких холмов, рассеивался под встающим солнцем. Было все за этим окном ново и красиво. Жаль, что не было с собой фотоаппарата. Хотя, если бы и был – все равно никакого умения нет. Тут надо, как картину художник пишет. Чтобы не просто туман и просто деревья, а утреннее настроение, свежий ветерок, легкий шум со стороны недалекой дороги, металлическое поскрипывание старых заброшенных аттракционов. Всяких там цветных каруселей и качелей.

Командировка в далекий город была ожидаемой. Давно туда надо было слетать. С одной стороны – работа. Она требовала побывать в дальнем филиале, настроить все, как надо, как положено, поучить местных специалистов. С другой стороны – не каждый мог похвастаться, что был на самом краю страны. Там дальше – только океан. Все, конец нашей земли.

Тут даже в ванной возле зеркала над розеткой, висели объявления на трех языках – и ни одного на русском! Все иероглифами. Не считать же русской надпись красной краской по кафельной плитке «220V».

Евгений Васильевич Косогоров очень любил такие командировки. Он и работу свою любил. В понедельник никогда не жаловался, что выходные слишком быстро закончились. А уж когда выпадало работу совместить с новыми местами, с прогулками по вечерам, с фотографированием того и сего налево и направо – о-о-о!

Восемь часов на самолете – это трудно. Вечером вылетаешь, а прилетаешь уже после полудня. К обеду фактически. Глаза не смотрят на солнце, слезятся. Общее состояние, как будто отсидел себе все на свете. Но это только в самый первый день. Потом все налаживается. Евгений Васильевич быстро и легко акклиматизировался во всех своих поездках. Это другие могли стонать, что время слишком сдвинулось, что не спится, что сердце – бу-бух, бу-бух. А он спал хорошо и дома, и тут, «у самой дальней гавани Сою-у-за» – пропел мысленно, выходя из ванной.

За окном вдали сквозь редящую дымку тумана виднелось большое колесо обозрения. Кажется, или действительно немного повернулось? Вот же странно. Разве в глухой провинции парки еще работают? Это только в столице все вылизано и смазано. И деньги еще приносит хозяевам. А тут...

Он заметил ярко-красную кабинку, потом отвернулся от окна, одеваясь. Повернулся – точно, двигается. Не быстро, но заметно. Вот уже и синяя поднимается вверх. А за ней тянется зеленая, потом желтая. Яркое колесо, веселое. И даже, кажется, музыка с той стороны доносится.

После работы Евгений Васильевич прошел вдоль изгороди. Парк был окружен высоким забором из крепких стальных прутьев толщиной в два пальца, заостренных кверху. Если сам парк выглядел совершенно диким и неустроенным, то трехметровый забор, наоборот, блестел свежей черной краской.

– А где у вас тут вход в парк? – спросил он у девушек в холле гостиницы, забирая свой ключ.

Они очень удивились странному вопросу, но потом дисциплинированно долго вспоминали, даже звонили кому-то, чтобы выяснить. Все же гость спросил – надо реагировать. Ответили, в конце концов, что в парк вход закрыт, потому что в парк никто не ходит. Там теперь буквально все аварийное. И поэтому строго запрещено. Вот когда деньги будут, город парком займется. А пока – извините.

Ну, в принципе, понятное и знакомое дело. Да и не нужен ему этот парк – что он, ребенок, что ли? Подавай ему качелей-каруселей, что ли?

Вот только, поднявшись в номер, даже не разуваясь еще, Евгений Васильевич прошел к окну и увидел на самой верхней точке колеса обозрения желтую кабину. Тумана вечером уже не было – все было видно исключительно четко и хорошо. На яркой зелени соседнего холма – желтая. А утром там была красная. Это точно.

Он поискал, как открыть окно – там все же звучала музыка. Там, вдалеке, звучала, хоть и негромко совсем – но пластиковые окна были наглухо закрыты, все ручки и запоры сняты, а вентиляция шла только через решетку воздуховода под потолком.

На другой день он спросил о парке в офисе, на работе. Тут тоже все удивились, долго сами вспоминали, потом созванивались, искали в Интернете что-то, но ничего добавить не смогли. Да, парк давно закрыт. В парк доступ запрещен. Поэтому и забор такой высокий и крепкий, чтобы никто не пострадал. А то, мало ли, дети вдруг туда полезут. Или вот еще приезжие, кто не знает, что нельзя. А – нельзя. Понимаете, да?

Ночью снились странные сны. Спалось легко и просто – зря пугали долгой акклиматизацией.

На работе тоже все было странно и зыбко. То есть, служебное задание вроде как есть. И вот есть место, где надо что-то делать. Но – зачем? Все чем-то заняты, все работают свою повседневную работу. Так что он уже сам находил, что еще надо бы исправить, сам исправлял, сам потом показывал, выслушивая благодарности и постоянное:

– Что бы мы без вас делали!

А что бы делали... Работали бы, как и без него работали. Ну, поправил кое-какие мелочи. Ну, облегчил немного работу. Но ведь работали как-то до его приезда. И неплохо, кстати, работали. В отчетах этот дальний филиал хвалили.

С работы пошел пешком. Предлагали подвезти – тут никто почти не ходит пешком. Не принято у них ходить пешком. Но он всегда гулял по новым городам. Вот и тут. Отказался с улыбкой. Что тут идти? Двадцать минут? Полчаса – это если стоять на каждом перекрестке и в местные красоты всматриваться.

Но не по центральной улице пошел, а узенькой двухэтажной Курильской. Мимо старой школы, пахнувшей краской, мимо детского сада, где как раз «разбирали» детей, и машины стояли плотно, подмигивая друг другу. Мимо березок. Улица упиралась прямо в решетку парка.

Евгений Васильевич остановился и посмотрел вправо и влево. Вправо дорога шла, никуда не сворачивая, а забор парка упирался точно в угол гостиницы. Это, выходит, где-то там на седьмом этаже его окно, и из него как раз парк виден и колесо обозрения. Он прислушался. Но шум проезжающих машин перебивал все другие звуки. Никакой музыки или детских криков слышно не было. Хотя, если парк закрыт, так и не должно быть ни музыки, ни криков.

Евгений Васильевич посмотрел на часы. Потом задумчиво оглянулся на заходящее солнце. До темноты еще два часа. Это, как минимум.

И он пошел налево вдоль решетки, трогая иногда крепкие стальные прутья.

Забор тянулся и тянулся. За ним было темно и зелено. Трава там стояла высокая, и никто ее не косил, жужжа оранжевыми косилками на широких ремнях. Иногда в просветы между кустами просматривались старые серые асфальтовые дорожки, засыпанные прошлогодней черной листвой.

Евгений Васильевич посмотрел вперед, дальше – там улица переходила в настоящую дорогу, уходя за холм. Местные называли эти холмы сопками. Забор так и тянулся вдоль дороги.

Пора уже было возвращаться. Пора было ужинать.

Ночью, хорошо перед тем поужинав и крепко выпив – так-то он почти не пил, но в командировке себе позволял – Евгений Васильевич вышел на высокой бетонное крыльцо гостиницы.

Глубоко дышал. Смотрел на луну. Вслушивался, затаив дыхание. Снова дышал свежестью, зеленью и немного солью недалекого океана. Откуда-то из-за стены деревьев слышны были обрывки какой-то музыки. Иногда вроде бы даже хоровое пение. Там, в парке, за деревьями. Там, где сегодня утром на самом верху колеса обозрения была уже зеленая кабинка.

Днем специально спросил в офисе, где у них тут еще горы, о которых слышал, и где море. Они опять все ему мило улыбались (они тут все были очень милы и улыбчивы), а потом говорили, что и море есть, но туда ехать надо, а времени просто совсем нет, и горы есть, но просто их из центра города не видно. У нас тут, говорили, природа просто уникальная. Тут и зимы самые настоящие, с сугробами до третьего этажа. И лето – настоящее. С жарой и зноем. А если циклон, так почти тропические ливни – подвалы заливают, машины на улицах гложут. Они как будто даже гордились таким климатом и такой погодой.

Но гор действительно видно не было. А море все же далеко. Это если перед самолетом специально съездить посмотреть, с самого утра, что ли. Но надо рассчитать, иначе можно опоздать на регистрацию.

Вообще странное дело: на работе не знают, например, какие тут есть рестораны, в единственной в городе высотной гостинице. Удивляются, что именно ее ему выбрали для проживания. Все, мол, обычно в другой живут – ближе к офису. А рестораны? Ну, не знаем, мы тут по ресторанам вообще не ходим. А куда ходите? Опять улыбаются, переглядываются: мол, что ему тут рассказывать. Приехал и уедет. А мы тут живем.

Он теперь пошел в гостиницу по центральной улице. Опять предлагали подвезти на машине. Тут, похоже, вообще просто никто не ходит пешком. Странное дело. Город маленький, зеленый, уютный, но все только ездят. Маршрутки, автобусы, свои машины. Вот и тут – что вы будете ноги бить? Сейчас подвезем! А тут идти всего полчаса. Или даже двадцать минут. И вообще – ходить полезно.

Зашел по дороге в магазин и купил там самый дешевый фотоаппарат. Теперь вечером ходил и все вокруг щелкал: забор этот черный. Гостиницу. Высокие деревья в парке за стальной оградой.

Сегодня хорошо – солнце. До этого был сплошной туман и сумерки туманные. При солнце видны сопки вокруг города. Очень далеко и очень красиво. Они обрисованы четко, как тушью на старинных японских картинах. Сделал несколько кадров с высокого крыльца. Снизу на него смотрел охранник в черном. Смотрел внимательно и как-то запоминающе.

А колесо все же крутится. Сегодня оно не стоит, а именно поворачивается. Сменяются кабинки. Поднимаются и опускаются. Оттуда, наверно, не только весь парк видно, но и весь город. Сам-то город низкий. Старые улицы – в двухэтажных шлакоблочных домах пятидесятих лет. Центр – пятиэтажный. Сейсмические требования у них такие, говорят. Хотя, в самом центре строят две башни – уже довели до двенадцатого этажа. Да и гостиница в девять высоких этажей.

Похвалил местным эти новые дома. Удивились, переглядываясь. Что, у нас строят высотки? Странно, странно. А где, говорите? В самом центре? Вот прямо около нас?

Окна офиса выходят на другую сторону, поэтому показать пальцем не получилось.

Но все равно осталось ощущение, что говорят, как с малым ребенком. Мол, придумывай, что хочешь, говори, только не плачь и не хулигань.

Да что они, издеваются все, что ли?

Уже сами предложили съездить на море. Тут далеко, конечно, но на машине за полдня можно обернуться. Правда, никто там не купается, потому что вода холодная. А зачем тогда ехать? Ну, посмотреть на море. Неуверенно отвечают, будто сами не знают, зачем предлагали.

Вечером Евгений Васильевич снова ходил вдоль ограды парка. Прошел туда и сюда, не жалея времени и ног. Ну, нет же никакого входа. Будто и не было его тут никогда. Ни арок

никаких, ни ворот на замке – нет ничего. Может, стоит обойти вокруг? Музыка-то слышна. Колесо, так его, вращается. Как же туда ходят люди?

Девушки в гостинице делали большие глаза, удивлялись вопросам. А никто туда не ходит. Очень старый парк. Это же еще довоенный. Так вот и стоит заброшенный с тех самых пор. Какая музыка? Какое колесо? Да вы шутите, правда?

Ну, а как же раньше в парк ходили? А? Раньше-то – как? Пусть даже и до войны.

Утром договорился на работе и пошел по городу гулять. Зашел в большой краеведческий музей. Потолковал со старенькой сотрудницей.

А никто не скажет, как оно было раньше с этим парком. Город приезжих. Весь город – приезжих. Местных тут никого и нет. Никаких вообще местных нет и не найти, и не пытайтесь. После войны всех выселили, а потом заселили приезжие. Вот и эта старенькая музейская Маргарита Павловна – она тоже из приезжих. Тут давали такие подъемные, да еще с жильем было легче. Потом, надбавки разные – народ-то и потянулся.

Ну, и климат еще, да. Вы знаете, у нас тут даже виноград по распадкам растет! И вызревает, что интересно. А вон та роща, что при въезде в город, зовется грушевым садом. И груши там есть. Только мелкие, одичали.

Парк? Какой еще парк?

Дальше Евгений Васильевич слушать ее не стал. Раз уж и тут ему начинают открыто врать и издеваться... Ушел из музея и пошел опять к парку.

Вот же – парк. Вот забор в три метра. Вот высокие деревья в парке. А там, дальше, километрах в двух-трех – огромное колесо обозрения. Работающее.

Вот, блин... Действительно, как маленький ребенок! Вот же в голову вперлось!

Он оглянулся по сторонам, поплевал на ладони, подпрыгнул, зацепился и стал медленно и аккуратно карабкаться вверх, упираясь ногами. Сзади стали тормозить машины. Кто-то кричал, что сейчас позовет полицию.

– Тьфу на вас! – громко сказал Евгений Васильевич, мягко спрыгнув в кусты.

И тут же шагнул в густую тень деревьев. Ну, кто за ним сюда кинется? Как у них тут за нарушителями в парк ходят? А? Если входа никакого нет?

Шум сзади сливался в непонятное шуршание на самом краю слуха, потом совсем стало тихо. Евгений Васильевич шел и шел вперед сначала по высокой траве, потом по замеченному старой листвой потрескавшемуся асфальту. Потом асфальт стал чистым. Потом – новым. Черным и пахнущим гудроном. Музыка звучала все громче.

Вот оно – колесо. Небольшая очередь к кассе. Медленное движение кабинок по кругу. Вверх – вниз, вверх – вниз. Вот же!

На скамейках сидят старушки. Молодые мамы возят туда и сюда разноцветные коляски.

Да что же это – как они все сюда попали? В запретное-то место? Тоже через забор, что ли?

Евгений Васильевич стоял посреди центральной площади парка у работающего красивого фонтана, облицованного полированным красным гранитом, смотрел по сторонам и ничего не понимал.

А потом к нему подошли двое полицейских в новенькой черной форме, представились по всем правилам и потребовали предъявить документы. Рассмотрели с интересом командировочное удостоверение, вложенное в паспорт. Полистали привычно, проверив прописку. То есть, теперь это называлось регистрацией. Спросили как-то скучно и уныло:

– Нарушаем, гражданин?

Он все еще не понимал.

– Просим вас покинуть территорию парка культуры и отдыха. Во избежание.

Евгений Васильевич покорно повернул обратно, откуда пришел, но его цепко прихватили за локти, развернули и повели по широким людным аллеям мимо пруда с утками и лебедями,

мимо шумных смуглых шашлычников, мимо скульптур и скамеек. Выход был роскошный, под старину. Высокие ворота. Арка. Колонны.

– Сюда, пожалуйста.

Аккуратно вывели и оставили.

Слева знакомый мост висел над Москвой-рекой. Сплошной поток машин сверкал на солнце, как стальная змея.

– Крымский мост, – сказал он вслух сам себе.

– Да. А вы приезжий, наверное? – поинтересовался кто-то сзади.

Евгений Васильевич даже не оглянулся. Он слушал знакомый шум машин. Вдыхал знакомый воздух. Смотрел вокруг удивленно.

Это как же – телепорт какой-то, что ли? Фантастика в действии?

– Никакой фантастики, гражданин.

Опять он вслух говорил? Вот же – как приезжий какой-то, действительно. Просто обалдел от всего увиденного.

– Но как же это? – обернулся он.

– А так. Это вот – Москва. Это река. Это Парк Горького. Какие еще у вас вопросы?

– А моя командировка? Восемь часов в самолете? Провинциальный город на краю страны?

И тут он сам все понял. Щелкнуло как будто. Встали шестеренки в нужное положение. Вот оно, в чем дело...

Нет никаких провинциальных городов. Давно уже нет. И страны этой нет, что за восемь часов не пролететь из центра к окраине. Есть только Москва. А чтобы народ не волновался, ему в этой Москве устроены разные парки и аттракционы. И работа его, никому не нужная в самом деле – это аттракцион, и командировка эта дурацкая – тоже аттракцион. И самолет – аттракцион. Могли и сутки внутри держать, показывая кино. И тот город странный – он тоже всего лишь аттракцион. Вся жизнь, выходит...

– Ну, вот вы уже все и поняли, правда? – спросил высокий человек в черном костюме, медленно надевая темные очки. – А теперь, пожалуйста, посмотрите сюда.

Сверкнула вспышка.

Очистилась память.

Перезагрузилась система.

Начался новый аттракцион.

Будет ласковый дождь

Утро было, как утро. Самое обычное. Привычное.

Сначала бодрая трель будильника, потом свернуть постель – он всегда убирал постель, потому что если не убирать за собой постель, то можно и не вставать. Пока комната проветривалась, нагонялся из решетки кондиционера морозный воздух, он успевал сделать зарядку. Комплекс тренажеров в углу отсчитывал каждое совершенное им усилие, а беговая дорожка была хороша и позволяла двигаться в любом режиме.

Умывание. Душ? Он помялся перед душевой кабиной, но все же не полез в нее. А чего там – душ? Что он, физическим трудом ночью занимался, что ли? Потому – чистка зубов, умывание, тщательное вытирание, с рассматриванием в зеркало своего отражения. Ну, что... Неплохо. Для своих-то лет – совсем даже неплохо. И с морщинами неплохо, и с животом. Он повернулся в профиль, втянул живот и выпятил грудь – да, очень даже неплохо!

Из ванной сразу направо – маленькая кухонька. Когда он идет в ванную, заходит туда и щелкает кнопкой чайника. А теперь, умытый, вкусно пахнущий мылом, зубной пастой и немного мужским дезодорантом, с полотенцем на еще влажной шее, он насыпает две ложки кофе в чистую чашку, помытую и поставленную на край стола с вечера, кладет три кусочка сахара и заливает кипятком, повторяя вслед за ним, съедающим с шипением сахар и кристаллики кофе:

– Ш-ш-ш...

В холодильнике всегда были свежие йогурты. Он почему-то никогда не задумывался – откуда. Какая, в сущности, разница? Главное, они там были. Всегда. И всегда был в прозрачной хлебнице свежий хлеб. Или такой же свежий лаваш, который можно было разрывать на куски и есть с густым йогуртом с кусочками неизвестных фруктов, похрустывающими на зубах, запивая горячим крепким черным кофе.

Завтракал он всегда у компьютера. И обедал там же. И ужинал – тоже. И вообще весь его день проходил перед компьютером, который был для него настоящим окном в мир, потому что окон в его квартире просто не было. Да и не нужны они были, эти окна. Что там смотреть? Погоду? О погоде скажет сайт с прогнозом погоды. Да и друзья, проживающие неподалеку, тоже не раз и не два за день сообщат, что идет, мол, дождь, или что снег, или что на улице жарко и душно.

Сначала он внимательно прочитывал длинную френдленту – он был «тысячником» в LiveJournal, и притом френдил всех взаимно – отвечал на комментарии под своими постами, а потом смотрел новости на трех разных новостных сайтах, прогноз погоды, проверял почтовые ящики, в которые уже набивалось по десятку-другому рекламных объявлений и прочего спама.

В течение дня он иногда то включал, то выключал музыку, подпевая некоторым песням, писал несколько постов в свой журнал, потом принимался за роман, который задумал еще лет пять назад, но так никак и не мог закончить, хотя размер написанного уже тянул на хороший трехтомник.

Ему не было скучно. Когда здесь скучать? Времени не хватает, чтобы все узнать и все увидеть. Египетские пирамиды? Он щелкал по ярлыку и рассматривал их в любой проекции. Великая китайская стена? Где-то это было... А, вот она! И даже есть съемки из космоса, где видно, как она тянется червяком через горы и равнины. Московский Кремль? И о нем было множество материалов.

В исторических форумах он спорил с теми, кто в который уже раз обещал катаклизмы, кризисы и очередную мировую войну. Он был историком по образованию и требовал всегда

точных и ясных доказательств, а не домыслов или логики в построении модели дальнейшего развития.

– История алогична, коллеги! – повторял он постоянно. – Факты, только факты становятся историей.

К вечеру, когда глаза уже не хотели и не могли смотреть в экран, он делал себе легкий ужин, потом, подумав, иногда принимал душ или даже заваливался в ванную, насыпав в горячую воду пахучую соль, и читая очередную книжку с экрана своего наладонника.

Сегодня это была старая вещичка, читанная еще в детстве.

«Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой белая краска начисто выгорела. Вся западная стена была черной, кроме пяти небольших клочков. Вот краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. А вот, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше еще силуэты, выжженные на дереве в одно титаническое мгновение... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыл контур подброшенного мяча, напротив мальчишки – девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился».

Ох, черт... Он вытер уголок глаза. Старее, да. Слаб стал. «Будет ласковый дождь...»... Обязательно перед сном надо написать друзьям, чтобы не забывали зонтики.

Перед тем как лечь, он делал еще один комплекс гимнастики, качая пресс. Потом ставил будильник на семь утра. Ну, и что, что кризис, что нет работы давно. Все равно, незачем расслабляться. Да и друзья со всего мира будут рады увидеть его в эфире, поболтать, перекинуться словом, услышать его оценку событий.

Потом он спокойно засыпал.

А пока он спал, невидимые руки меняли набор продуктов в холодильнике, наполняли чайник чистой много раз профильтрованной водой, протирали полы в кухне и ванной.

Все сохранившиеся в ходе возникшей на волне кризиса мировой войны компьютеры планеты берегли последнего оставшегося в живых человека. Как редчайший экспонат. Как образец довоенной жизни. Как последнюю ниточку, связывающую мир с довоенным временем.

Как объект для исследования, наконец. Редчайший объект со своеобразной реакцией на сигналы, выводимые компьютерами на экран монитора.

Борьба с кошмарами

– Ты же помнишь, конечно, мои старые кошмары? Эти пауки и жуки размером с человека, заплетенные паутиной темные дверные проемы. Эти глаза, блестящие в темноте... Бр-р-р... Ужас...

Ну, еще бы я этого не помнил. Меня тогда потому и вызвали в поселок. Отозвали прямо с маршрута, несмотря на дела. У нас тут у всех по два-три образования. Иначе просто нельзя. Иначе не наберется команда. Надо же и командира, и ученых разных направлений, и врача с медсестрой, и солдат, которые будут охранять, если что, и следопыт пригодится, и психолог – лететь-то не день и не два. Даже и не месяц. Да и там, когда доберемся – это же практически на всю оставшуюся жизнь...

Я был психологом и следопытом. Охота была моим хобби, ставшим профессией. А психология, которая первая и основная, стала здесь второй. Вот и сдернули. Ребята развернули тогда временный лагерь, обустроились, поставили инфразвук, сигнализацию, установили автоматы. И остались разбирать, что набрали за время маршрута. А я на диске помчал в поселок.

Тогда мне долго пришлось говорить с этим вот Иваном – огромным русским доктором и по совместительству ксенобиологом. Он психологически надломился, когда прилетев на эту планету, не столкнулся ни с какими трудностями и опасностями. Ну, не было тут пауков, жуков, червей, змей всяких ядовитых, хищников крупных. Очень странно, конечно – но не было ничего этого. Вышло, что он вроде как и не нужен в качестве ксенобиолога. Врач нам тоже был не особенно нужен. Все в экспедиции были здоровые, крепкие, а на случай чего у каждого второго была квалификация как минимум фельдшера. Да и аптечки наши с набором лекарств и автоматическим определением нужного – дорогого стоили.

В общем, Иван заскучал, засмурнел, и по их старинному русскому обычаю стал скуку свою заливать спиртным, которое сам же и производил на лабораторных установках, используя в бродильном чане всякую сочную местную зелень. Вот и начались у него кошмары. Сначала я посчитал, что все это – просто алкогольный психоз. Но, просидев с ним в палате пять дней, никакого улучшения не заметил. Пришлось признавать шизофренический бред и расслоение личности с параноидальными мотивами. Это я так, вгорячах, конечно. Просто не практиковал давно. Диагнозы такие слёту просто нельзя...

А просто «сдернулся» парень, «свернулся». А вот когда пять дней в одной палате. Пять дней я с ним говорил, говорил, говорил. И он выговорился. И перестал дергаться на каждый шелест, на каждое движение в стороне или сзади.

Что я ему тогда говорил? Ну, как обычно. Сначала мы с ним вместе – тут только вместе можно, чтобы не было давления! – мы пришли к выводу, что это что-то психическое, от усталости, от нервов. Потом я помог ему прийти к выводу, что кошмаров не надо бояться. Надо просто их принимать, как есть, и они тогда сами пройдут.

Ну, вот... А когда он успокоился, и смог при мне пару дней спокойно ходить на работу к своему лабораторному столу, я улетел.

– Ты мне тогда правильно все сказал, – продолжил Иван с широкой улыбкой, – Кошмаров бояться не надо. Все дело, весь страх были только из-за того, что настоящее и внутреннее, кошмарное, были слишком различны. Настолько различными были то, что вокруг, и то, что в голове, что психика просто не воспринимала. Это ты тогда точно подметил. Так что я тебе благодарен, значит...

– Спасибо. Я уже и забыл почти свой первый диплом, знаешь? А тут вдруг – ты. А где все, стати? Народ где?

Действительно, на площадке встречал меня один Иван, больше из поселка никто не вышел.

– Дык, – непонятно сказал он по-русски. – На территории все. А меня за тобой послали. Ваши-то остальные когда вернутся?

– К вечеру должны быть, – посмотрел я на местное отдающее зеленью солнце. – Они там с грузом, а я как следопыт на обратном пути уже не нужен, на автопилоте же возвращаемся – вот и отправили вперед. Заодно встречу подготовить. Баньку там вашу, прочие полезные дела...

Баню тоже придумал Иван. Эти русские такие мастеровитые... Сначала – из простой палатки, а потом и капитальную сложили под его руководством и с непосредственным участием. Он, мне кажется, вообще мог все на свете. Ну, а уж в своей профессии-то... Ксенобиологом не каждый может работать.

– Ну, пошли, что ли? – толкнул он меня плечом.

– Пошли!

Я нагнулся за ранцем, за оружием, но Иван сделал большие глаза, потом скривился как от смеха, махнул рукой вокруг, а потом вдаль, сказал что-то коротко по-русски... Сказал по-русски, а понятно ведь.

Действительно. Чего тащить тяжесть эту, плечи натершую? Сейчас прилетят все остальные – тогда все сразу на склад и отвезем на гравитележке.

До окраины поселка было ровно пятьдесят шагов. Иван расспрашивал, я рассказывал подробно, что видел и как там – вдалеке от «цивилизации». Какой-то холодок, протекший по спине, вдруг заставил меня остановиться. Мы стояли посреди главной улицы, как в старом ковбойском кино. Пустая улица – и нас двое. Черный и белый. Черный – это я. В походном комбинезоне. Белый – Иван. Он в своем халате нараспашку. И никого вокруг.

– А где все?

– Да здесь, здесь, не волнуйся, – хлопнул он меня по плечу. – Вон, смотри, глазами-то как моргают. Смотри, смотри!

В темных провалах распахнутых настежь дверей, обвитых по краю чем-то серым, мягким, колышущимся на легком ветерке, поблескивали глаза. Много глаз.

Слишком много глаз.

– Что это? – плечо привычно дернулось, чтобы скинуть ремень.

Только вот оружие осталось на платформе. Бежать назад?

– Стой-стой! Ты что? Ты же сам говорил мне о маниакальности, депрессивности... Что с тобой? Ну, пауки, паутина – это же не кошмар совсем, правда?

Иван легонько подталкивал меня дальше вглубь поселка. А за спиной слышался шорох, какие-то легкие хлопки – наверное, прыжки... Я дернулся, чтобы обернуться, но Иван ждал – он просто ткнул мне локтем в бок со всей своей дурацкой русской силой.

– Ты что? А? Кошмаров теперь тоже боишься, что ли? Ну-ка, пошли, пошли ко мне в больничку. И не дергайся, парень. Не дергайся. Слышишь, небось?

Шорох сзади становился все слышнее, он приближался, окружал полукольцом, гоня меня вперед, к белому зданию больницы. А Иван тарахтел без умолку:

– Ты тогда, как уехал, так я сразу взялся за дело. Ты же прав был на все сто процентов. Кошмар, который уже в голове, просто невозможно победить. Его надо сделать тривиальным, обычным, не страшным. Рациональным надо сделать. Надо сделать так, чтобы реальность и кошмар соединились, понимаешь? Вот я там вытяжку, здесь эксперимент, отсев, испытания, вторая попытка, третья, опять проверка. Так заработался, что вообще всякий страх потерял, представляешь? Вот все это мне теперь совсем не страшно. Потому что это не кошмар уже, а самая обычная реальность. А бояться надо только кошмара – ты сам мне это твердил тысячу раз. А раз реальность – не кошмар – ее бояться не надо. А если реальность и кошмар слились, то и испуг вдвое сократился поначалу. А потом и вовсе ушел. Ну, что тут страшного? Подумаешь, пауки... Они же даже полезные, если подумать. Сейчас и ты таким будешь. И сразу будет

тебе не страшно. Все такое конкретное и реальное вокруг. А то ведь боялись тут некоторые, запирались. Приходилось даже двери ломать. А ты вот не боишься. Не боишься ведь? Ну?

Как загипнотизировал...

– Что?

– Да ничто. Вот что, – и хлопнул меня со всего размаха по спине.

Кольнуло что-то, потекло холодом под лопатку. Обмякли, подломились сразу ноги, повисли руки, как гирями оттянутые. Уже падая вперед лицом, пытаюсь остаться в памяти, не провалиться в зовущую уютную мягкую темноту, успел только услышать:

– Ну, что, ребятки. Заносите очередного. Будет вам теперь новый товарищ.

И шорох, шорох, шорох вокруг.

Пришелец из будущего

Никакого грохота и вспышек света, никакого ползучего густого тумана или запаха, как после грозы – вообще никаких световых и звуковых эффектов не было. Хотя, конечно, что-то ведь должно было быть – обязательно. Там же такая энергия используется! Вот в кино все в молниях было.

А тут – просто в дверь тихонько постучали.

Квартира у них была на первом этаже. Если подпрыгнуть, ухватиться за карниз, можно было стукнуть с улицы прямо в окно. Но это если друзья – они могли так шутить. А обычно же все стучали в дверь. В простую деревянную дверь с длинной трещиной посередине, крашеную темно-коричневой краской.

Сашка открыл. В темноте подъезда стоял незнакомый лысый мужик. Он улыбнулся нерешительно и сказал:

– Здравствуй, Саша. Я – это ты.

Сашка уперся «бычком» (так называла эту позу мама) и спросил:

– Вам кого?

– Мне тебя. Саш, я ведь к тебе из будущего.

– Ну, ни фиги себе! – сказал Сашка и прикрыл рот ладонью.

Дома не поощрялись всякие «фиги» и другие такие же словечки. Хотя с ними гораздо легче выражать свои эмоции. Одним словом можно много выразить. Но вот за слово, скажем, «жопа» или еще «сволочь» ругали так, что даже потом обидно было чуть не до слез. Но не наказывали. Сашку за слова не наказывали, но ругали и воспитывали.

Он читал фантастику. Любил фантастику. И знал всякое про будущее, каким оно непременно будет, про космос и полеты, про разные фантастические чудеса. Вон в недавней книжке туннель как в метро проводили под Северным Ледовитым в Америку. А уж марсиане, которые золотоглазые и смуглые...

То есть, про гостя из будущего – это он понимал. Это было здорово.

И еще Сашка был очень вежливый – так его воспитывали родители. Он чуть отодвинулся в сторону и сказал:

– Проходите.

Мужик зашел, втянул шумно носом воздух, будто принюхиваясь, потоптался возле холодильника, будто примериваясь, потом скинул летние дырчатые иностранные туфли и кивнул:

– Ну, пошли к тебе, давай. Пошли скорее! У меня тут совсем мало времени.

Они прошли друг за другом по длинному рыжему половику через узкий темный коридор и перед самой кухней свернули налево. Тут жил Сашка. У него была железная кровать. Еще был диван-оттоманка с откидывающимися валиками. И письменный стол, который подарил главный инженер станции. Он тогда себе новый купил, а этот по знакомству подарил Сашке. На столе лежал большой и толстый лист оргстекла – это папа принес с работы. Под стекло Сашка положил фотографии наших хоккеистов – чемпионов мира. Якушев был прямо посередине, на самом видном месте. А в чемпионате СССР Сашка болел за «Спартак». Но открыток со «Спартаком» не было, потому что опять было только третье место. Хоть Якушев, конечно, все равно был лучшим.

Еще в этой комнате был большой платяной шкаф. Только без зеркала, потому что так он продавался – без зеркала. Но Сашка в этот шкаф почти не заглядывал. Там была взрослая одежда. А его одежда была в комоде, который стоял слева в углу. И на комоде еще была лампа-ночник из камня в виде белки. Камень был такой, что когда лампа включена, он как бы просвечивал, и была видна белка.

На шкафу лежали рулоны маминых выкроек. А за шкафом – большая линейка-рейсшина, по которой папа когда-то делал свои чертежи. А потом рейсшину поставили за шкаф, потому что папа перестал учиться – просто некогда было. Это он так говорил – некогда. Ему надо было работать и сына воспитывать. А еще ту рейсшину Сашка не доставал и не играл, как пулеметом – там даже приклад настоящий был! – потому что она была грязная. С края – грязная. Однажды они тут загнали крысу за шкаф, и папа лупил ее рейсшиной, пока она не сдохла. А мама не кричала и не визжала, а отпινывала крысу обратно за шкаф, когда та пыталась выбежать. Потом папа залил алебастром со стеклом все дырки в полу, и больше крыс у них не было. Рейсшину помыли. Но Сашка все равно помнил, что она грязная. И не играл ею.

Гость стоял, почти не дыша, медленно оглядываясь и как бы вспоминая все.

– Садитесь, – сказал Сашка.

И сам сел на стул. Верхом, положив руки на спинку. Так он выглядел увереннее. Как оперуполномоченный уголовного розыска в кино.

– Саш, – повторил мужик. – Понимаешь, я – это ты, только в будущем. Поэтому не надо мне выкать. А то как-то неприятно даже. Все равно, как я сам себя на вы называть буду.

И тут Сашка вспомнил, что в последней книге про путешествия во времени было сказано о разных эффектах и даже о невозможности таких путешествий. И немного приуныл. Потому что сначала-то ведь он поверил. А написано было, что так не бывает. А если бывает, то никак не встретиться тому, кто был в прошлом с тем, кто стал в будущем.

Наверное, разочарование на лице было написано так ярко, что пришелец сразу отреагировал:

– Ну, ты чего? Чего? Я правда из будущего, мужик! Ты, давай, спрашивай – все как есть отвечу! Ровно пятьдесят лет. Представляешь? Пятьдесят лет назад я спал вот на этой самой кровати. Вон по той карте на стене отмечал маршрут «Наутилуса». И под стеклом у меня была сборная СССР по хоккею... Все, как тогда... И Якушев, да.

Сашка подумал, потом откашлялся и спросил:

– Так у вас, наверное, уже коммунизм построили?

Гость как-то поскурился:

– Нет, Саш, коммунизма у нас нет.

– А на Марсе уже есть поселения? Яблони там цветут? Звездолет уже отправился за пределы Солнечной системы? Венеру начали осваивать? – строго спросил Сашка.

– И до Марса пока не добрались. И до Венеры. И к звездам – никак еще.

– А Союз Советских республик социализма теперь уже во всем мире? Все страны – в нем?

– Нет, – как бы даже удивился незнакомец.

То есть, отвечает честно и быстро, а сам удивляется. То ли тому, что его спрашивают. То ли тому, что отвечает такое...

Сашка подумал немного: вот, чего еще спросить? Ведь и нечего почти.

– Ну, хоть наши в хоккей – чемпионы?

– Вот тут, дружище, все нормально. Чемпионы! – обрадовался гость и вдруг исчез с легким хлопком.

Сашка подумал, сидя на стуле в той же позе, и сказал вслух:

– Брехня. Приснилось все. Привиделось. Все равно ведь никто не поверит. И потом, наши, говорит, – чемпионы, а коммунизма все еще нет. И на Марс не полетели. Пятьдесят лет! Ясно – брехня.

Время – деньги!

Вместо эпиграфа, из общения в сети:

«Как было бы здорово, если бы бездельники могли бы продавать свое время».

«Как и все ценное, время проще отнять, чем найти. Пойду, попробую отнять немного времени у других».

– Висит на заборе, колыхнется ветром..., – напевал сквозь зубы Алик, намазывая клеем очередное объявление.

Работа, которую ему помогли найти знакомые по компьютерному клубу ребята, занимала всего один день в неделю, если посчитать именно и непосредственно рабочее время. Остальные часы дня и ночи можно было играть в стратегии или начать снова «Сталкера», или хоть свежего «Ведьмака». А еще были старые проверенные «Фоллаут» в подарочном издании, обе-две в одной коробке. А еще были «Might&Magic», где одно прохождение занимало как раз неделю упорного сидения за компьютером. Еще был Интернет и общение в форумах. Там надо было поддерживать свой рейтинг постоянными выступлениями. Приходилось соответствовать. Вон, даже как-то сценарий, то есть план игры старой «Цивы» описал...

Правда, за игры и за умение в них играть не платили. А кушать и хоть как-то одеваться было надо. Организм человека еще не научился подпитываться из сети. А было бы здорово. Вот она – Нобелевка! Включился в сеть через специальный адаптер – и сиди у компьютера, не поднимаясь!

Алик клеил на столбы и заборы объявления, в которых предлагал свои услуги простым лузерам. Он действительно мог поставить систему, установить пиратский офис, настроить выход в Интернет, показать, где и чего скачивать на торрентах, настроить аккаунт в Одноклассниках, в ВКонтакте и в LiveJournal. Он даже умел в обычном Блокноте писать на стареньком «аштемеэле» простенькие веб-странички. Даже если понемногу, по чуть-чуть – все же добавка к зарплате. Хоть на «дошираки» хватит. С пивом, кстати. «Доширак» с пивом – самая настоящая программмерская еда. Хотя он сам, конечно, никакой не программмер. Он просто продвинутый юзер. Но если кто чего не умеет, а ему как раз не в падлу – так вот пусть платят.

Пока он клеил на досках объявлений в своем дворе, чувствовал себя почти монополистом. Его бумажка белой заплаткой сразу выделялось издали. А вот когда перешел к метро... Тут таких же, как он, было полным-полно. Все столбы были оклеены разноцветными и разными шрифтами выполненными подобными же объявлениями. Глаз зацепился за соседнее:

«Время – деньги! У вас есть свободное время, но нет денег? Мы поможем вам! Никакой работы! Никаких условий! Просто продайте ваше свободное время нам!»

И внизу, на «вермишели» контактов, не телефон, а адрес электронной почты. Не для каждого, выходит. Для опытного юзера. Для того, кто понимает, как сам Алик, например.

Подобных объявлений, где предлагали занять свободное время работой на телефоне или в Интернете, было много. Но там ничего не обещали, зато требовали сидеть в И-нете и впаривать всяким лохам разную непонятную мутотень. А тут – «никаких условий», «никакой работы»...

Алик приклеил свое объявление рядом, а потом оторвал квиток с электронным адресом от «времяденег». За спрос денег пока не просили, значит, можно спросить, что у них и как.

Дома, только скинув куртку и ботинки, он тут же прошел к никогда не выключающемуся компьютеру. Он, кстати, и лузерам разным всегда объяснял, что компьютеру хуже, когда туда-сюда его гоняешь. То включишь его, то выключишь – вот тебе и сбои в системе, и ошибки разные. А электричества в спящем режиме он практически не ест.

Не успел отправить письмо по указанному в объявлении адресу, тут же замигал значок мэйлера – пришел ответ. Они там, что, сутками работают, что ли?

В открытом ответе предлагалось заполнить небольшую анкету и приехать через день за банковской карточкой, на которую будут перечисляться деньги за купленное свободное время. Говорилось и о расценках. Конечно, прикинул Алик, если бы в эти часы работать, то заработал бы он не в пример больше. Но эти же предлагают именно получить – не работая! За то время, в которое как раз не работаешь. Все равно же пропадает оно в играх и в ленивом валянии на кровати. Потому что даже на пиво, чтобы с друзьями посидеть, поболтать в реале, сейчас как-то вот не всегда хватает.

Через два дня Алик вышел из офиса фирмы «Время – деньги!» и свернул к первому же супермаркету. Он ничего не собирался покупать. Вот еще – тащить что-то из такой дали на другой конец города! Он просто нашел ближайший банкомат, сунул в подмигивающий зеленым огоньком порт новенькую пластиковую карточку и выбрал опцию «Получить отчет». На карточке были деньги. Не великие, но – были! То есть, договор был исполнен. Сам договор он уже сложил вчетверо и засунул в карман. Туда же теперь отправилась и карточка.

Сегодня он не успел пройти очередной этап игры. Ну, это было понятно. Времени-то свободного оставалось меньше.

Он пока продал только один час в день. Действительно, что такое один час? Так, мелочь... Было в сутках двадцать четыре часа, стало – двадцать три. Даже и не заметно почти. А если прижмет, подумал Алик, так можно просто на час меньше спать. Хотя, что там может прижать? А денежки-то – вот они.

Через две недели он снова был в уже знакомом офисе. Две недели он прикидывал и так и этак. Планировал, рассчитывал, рисовал в Excel сложные таблички. Получалось, что на жизнь – на еду и питье – ему вполне хватало. Одного часа в день хватало на то, чтобы раз в полгода купить новые джинсы или еще какую-то одежду. Ну, или ботинки – но реже. Ботинки все же были дорогие. Хотелось купить настоящие Мартенсы. А вот если отдавать сразу часа четыре... Он еще раз перед выходом перепроверил расчеты: все точно. Если продать четыре часа в день, можно было спокойно покупать давно желаемый навороченный ноутбук. И даже могло остаться на цифровую камеру.

Еще через два месяца Алик понял, что ему, в принципе, нужно время только для сна и для работы. Ну, там, перекусить еще, по магазинам сбегать. А так-то, в принципе, он же этот, как там бабушка в детстве ругалась – бездельник. В неделе, он посчитал, 148 часов. На работу надо отложить сорок. Пусть пока эти часы не заняты, но вдруг будет калым какой? Еще сорок отложить на сон. Меньше спать можно – но тогда целый год придется недосыпать. Тяжело. Ну, и часов двадцать – на всякие прочие попутные дела. Вот, выходит, можно спокойно продать семь часов ежедневно.

Договор подписывался на год. И деньги перечислялись на карточку все сразу за годовую норму времени. Ему умно и подробно объяснили в том офисе, что это необходимо для планирования и правильного распределения ресурсов.

Через месяц Алик заметил, что просто ничего не успевает. На форумах его рейтинг опустился ниже плинтуса. Новые игры он не мог посмотреть, потому что времени на это не было. С друзьями собраться, по пиву сообразить – деньги теперь были. А вот времени – нет. В кино, опять же...

А еще у них на работе появилась Маша. Рыжая, энергичная, веселая, вся как на пружинках постоянно, все время куда-то торопящаяся. Ей, она говорила, тоже не хватало времени. Вот бы – говорила она – часов тридцать в сутках! Вот тогда – ого-го! Или клонироваться, что ли – смеялась.

Алик хотел пригласить ее на концерт. Но так получалось, что и ей некогда, и ему некогда. Он вообще ничего не успевал, кроме как сходить на работу и вернуться домой, чтобы переку-

сидеть и поспать. Новый ноутбук и новая камера так и стояли на столе в картонных непраздничных коробках. Он даже не установил другую систему! Не поковырялся в драйверах!

Ну, вот, совершенно не было времени.

А когда Маша как бы случайно намекнула, что у нее кончается какой-то там курс, и теперь со следующей недели будет немного больше свободного времени, Алик не выдержал и кинулся во «Время – деньги!». Офис их переехал на второй этаж, расширился. Внизу, где раньше был офис, теперь был кассовый зал, где можно было продать свое время «по-быстрому». Там цены были совсем смешные.

Сначала Алик попытался отказаться от одного из договоров. Но ему показали на пункт в договоре мелким шрифтом. И спросили еще участливо: вы деньги полностью получили? Алик понял, что тут ничего не выторговать. И решил тогда прикупить немного времени. Ну, подумал он, час в день хотя бы. То есть, по часа три пару раз в неделю – как раз на свидание. На кино или там на театр какой-то должно было хватить.

Однако выяснилось, что всех его заработанных денег на час в неделю просто не хватало.

– Это сколько же у вас стоит один час? – поднял, было, он голос, но тут же успокоился, когда ему показали на световое табло.

Действительно, продать свой час стоило дешевле раз в десять.

Алик вывалился на улицу, понимая, что опять, опять и опять не успевает ничего сделать. Кстати, он глянул на часы, сегодня ему из-за этого придется меньше спать.

Ну, спать-то он мог просто сразу после работы. Завтра, например. Так бы и ото-спался, что...

А вот как быть с девушкой? Со свиданием тогда – как? Кино, театр, концерт, ресторан? Ну, и все такое прочее? Как?

Алик брел домой, чувствуя, как утекают минуты, отпущенные им на сон.

– Брат, дай закурить, а? – раздалось откуда-то снизу.

На бордюрном камне сидел, покачиваясь, местный нищий в замусоленном тряпье.

– Курить нет..., – начал Алик.

А потом вдруг его озарило:

– А вот денег дать могу!

– Денег? – заинтересовался, вставая, нищий. – Давай!

– Не просто так!

– Дак, у меня же нет ничего..., – потряс он полами непонятной одежды.

– Паспорт – с собой?

– Паспорт не дам, – строго ответил нищий. – Я без паспорта – кто? Никто, бомж вонючий...

– А так ты кто? – начал было закипать Алик, но потом остановился. – Не паспорт, время мне твоё надо, понятно? Почему ты мне свои лишние часы продашь?

– Лишние? Какие они лишние? Я за час, знаешь, сколько могу бутылок найти?

– Так ты скажи, сколько ты хочешь за один час в день. А там, глядишь, и сторгуемся.

– Стольник, – пошамкав губами, выдал нищий.

– Ага, стольник за час. Это, если за год – тридцать шесть тысяч пятьсот рублей. Согласен? Продаешь?

– Это как выходит, почти полторы штуки по старому курсу? Наликом, что ли? Продаю!

– Пошли! За мной!

Алик привел нищего в фирму – на нижний этаж, в кассовый зал. И там они подписали договор, предъявив свои паспорта. С Алика взяли комиссионные – десять процентов. Итого, выходит, сорок тысяч без малого он теряет... Зато – целый час! Каждый день – лишний, такой нужный ему, час!

– Вы согласны с условиями договора? А вы? – вежливо работал с ними, не обращая внимания на вонь от засаленных лохмотьев, менеджер. – Подпишитесь здесь и здесь. Вашу карточку, пожалуйста.

Он быстро обналичил указанную сумму, снял проценты, выдал квитанцию. Нищий, мотая восхищенно головой, унесся к магазину, поддерживая одной рукой карман с деньгами.

– Поздравляю, – серьезно сказал менеджер. – Очень удачная сделка. В денежном выражении.

Алик побежал домой – пора было ложиться спать. Завтра у него будет уже на час больше. А проснулся он от холода.

– Бр-р-р, – вздрогнул он. – Это как?

Светало. Алик стоял в туманном сыром парке, с недоумением оглядываясь по сторонам. Ноги сами несли его по откуда-то известному и постоянному маршруту. Вон там, присел он, заглядывая под лавку, всегда были бутылочки. И вот там – тоже.

Что за черт? Нафиг ему сдались эти бутылки? В такую-то рань?

Он достал мобильный и дозвонился до службы поддержки «Время – деньги!».

Вежливый голос объяснил, что в такую рань, потому что потом Алику надо идти на работу. А час, который он получил, занимал у продавца своего лишнего времени именно сбор бутылок. Потому и такой дешевый он оказался, этот час. Со временем, конечно, можно будет адаптироваться, как-то перепрофилировать... Но – со временем. А пока – только так.

Это что же выходит? Ноги таскали Алика по парку, а он размышлял. Выходит, брать надо у чистого, у культурного, значит, эти часы. Но тогда будет во много раз дороже. А таких денег у него просто нет. Потому что продавать свое время – всегда дешево. А покупать – это всегда дорого.

Украсть? Он задумался... Интересно, а как это – украсть время? Вот разве – отнять? Откуда-то в руке оказалась бутылка, и он, почти не задумываясь, опустил ее на голову проходящего мимо какого-то слишком раннего клерка с дипломатом в руке. Тяжелый клерк. Еле утащил его в кусты. Паспорт во внутреннем кармане у него был. Алик позвонил, сообщил паспортные данные свои и лежащего без сознания «клиента», и честно сказал, что отнимает нужное ему время. Вышло, что отнять можно целых два часа. Но не больше. Это, мол, столько им «законники» разрешили. То есть, из внутренних дел.

Ну, два часа у культурного «клиента» – все же лучше, чем час у нищebroда. А тот час надо продать. Хоть за рубль – но продать. Обязательно продать. Хватит утренних пробежек по парку!

Он еще позвонил в травмопункт. Сказал, что тут человек упал и голову расшиб. И побежал на работу.

На работе сказал Маше, что и у него с завтрашнего дня появилось время.

А утро встретил в отделении милиции.

– Ну, что же. Вот ты нам и попался, – улыбался круглощекий розовый лейтенант, сидя за столом. – Сам все расскажешь?

– Да не бил я его! Он сам упал!

– Э-э-э... Не понял... О битье-небитье – это тебе в другой отдел, не по нашему профилю. А мы здесь по квартирным кражам.

– Я могу сделать звонок?

– Адвокату своему, небось?

– Нет-нет!

– Ну, звони...

– А что вы хотели? Все точно по договору. Что берете – то и получаете. Уронили вора, отняли пару часов – вот вам воровские часы. Купили час у нищего – собирайте бутылки. Свои-то часы вы продали дороже. Свои собственные, чистые, сытые, ленивые, у компьютера...

На новенькой растяжке над проспектом под ветром кувыркалось яркое:
«Время – деньги! Мы платим деньги за ваше время!»

Смерть гения

– Как известно, Парижская Академия приняла в свое время историческое решение не рассматривать проекты вечных двигателей. На это и ссылались в дальнейшем практически все – нет, мол, никакого вечного двигателя. И занимались вечными двигателями только отдельные полуграмотные самоучки, которые просто не знали, что вечный двигатель построить невозможно.

Профессор Букин как будто вещал с кафедры в родном университете. Он снимал и снова цеплял на нос очки в тонкой золотой оправе, взмахивал правой рукой, подчеркивая сказанное, задира л голову вверх, будто спрашивая у кого-то там, наверху, совета, или будто хвастаясь чем-то умным.

– Кстати, коллега, это интересный момент. Насчет неграмотных, насчет самоучек. Вот только не верьте тому, кто скажет, что открытия совершаются профанами. Нет, нет и нет. Вот я, например. Я – профессор. Но я заинтересовался вопросами фундаментального характера, а от них уже перешел к утилитарным проблемам. Итак, что мы знаем об энергии?

– Что она никуда не исчезает и не появляется вдруг и ниоткуда, – мрачно произнес его собеседник, старый товарищ по работе и спорам.

– Вот! Вот же! Как же я тебя уважаю за это твое свойство. Ты просто тыкаешь пальцем, еще не зная даже темы обсуждения, и попадаешь именно туда и так, как именно и надо! Закон сохранения энергии! Всё – отсюда! Всё – здесь!

Иван вздохнул и тоже стал смотреть вверх. Но теперь это выглядело, как будто он спрашивал того, наверху: за что мне все это?

А профессор продолжал:

– Мы жжем уголь, и энергия солнца, накопившаяся сначала в дереве, а потом в нем, становится теплом. Теперь мы греем воду, и энергия пара начинает двигать колеса – началось движение. Сначала медленное, с трудом, преодолевая трение и инерцию, потом все быстрее. Но что будет, если не жечь уголь?

– Ничего не будет, – вздохнув, сказал Иван.

– Вот именно. Ничего не будет. Потому что этот конкретный двигатель работает на горячем паре, получаемом с помощью горения угля. Нет угля – нет огня. Нет огня – не греется вода. И так далее, и тому подобное. Но!

Профессор погрозил кому-то наверху высоко поднятым указательным пальцем.

– Но! Давай разберемся, что и как происходит. Ведь энергия сама по себе никуда не исчезает, так?

– Ну, так...

– Но тогда, почему не продолжается движение, если мы уже раз разогнали поезд? Вот подожгли пять килограммов угля. Нет, пяти будет, наверное, мало. Пусть будет десять. Зажгли, прикрыли топку, дождались, пока вода закипит и поднимется давление в котле... Двинулся поезд. Кончился уголь. Что?

– Остановится.

– Почему же? Почему остановится?

– Потому что закон сохранения энергии. Эта колымага будет двигаться только тогда, когда она получает новую и новую порцию энергии, которая не появляется

– А почему она не появляется? То есть, не появляется – ладно. Почему исчезает-то, раз ничто и никуда?

Иван скучно начал, как по учебнику:

– Энергия переходит из одного вида в другой с потерями. Из потенциальной – в кинетическую, из тепла – в механическое усилие, из того – снова в тепло, при преодолении силы трения, например... И везде – потери.

– Какие потери? Ничто же не исчезает?

– А оно и не исчезает на самом деле. Остается в пространстве, – Иван пошевелил в воздухе пальцами. – Повышает мировую энтропию. А общее количество энергии всегда остается одно.

– Вот и опять ты сказал, что надо. Все же, Ваня, ты у меня самый первый и лучший помощник. Что там эти аспиранты и доценты с кандидатами! Они бы тут мне сейчас лекции читали...

– А так – вы мне читаете, – угрюмо бурчал Иван.

– Надо же на ком-то обкатывать.

Профессор помолчал с полминуты, раздумывая, что еще не сказано, позагнул пальцы, считая повороты в разговоре. Вроде, все, что надо.

– В общем, Ваня, энергия – есть. Она в пространстве – ты сам сказал. Просто надо уметь ее взять и потом снова положить. Значит, во-первых, должно быть устройство, которое эту энергию будет воспринимать и переводить в механику или там в электричество или даже напрямую в свет и тепло. Во-вторых, не должно быть потерь и постоянного, грубо говоря, «угасания топки». Или, если уж не обойтись без этого – трение, сопротивление разное, температура воздуха и ветер и все такое – то чтобы была постоянная подпитка, подача этой самой энергии. Все равно же энергии этой – полным-полно. И то, что мы ее используем, не уменьшает ее количества.

– Теория, – хмыкнул Иван, переводя заинтересованный взгляд с потолка на профессора.

– Да, теория. Но от теории и начинается практика. Должны ли мы проверять, есть ли в пространстве энергия?

Иван хмыкнул снова.

– Вот именно, правильно говоришь – не должны. Это сделали до нас поколения и поколения ученых во всем мире. Остается – что? Ну, что? Молчишь? Остается уловить ту энергию, что в пространстве, сконденсировать ее неким образом и применить. И представь себе тогда, Ваня, какая у нас жизнь начнется! Бесшумные поезда на магнитной подушке, автомобили полностью автоматические, что рулить не надо, космические ракеты, путешествие к созвездиям – и все это, обрати внимание, совершенно бесплатно, то есть даром. На основе той вот распыленной в пространстве энергии, которая никуда и никогда не исчезает. Заводы работают сами. Станки – сами. Огромные экскаваторы сами добывают руду. Руда автоматически доставляется на металлургические комбинаты и переплавляется в нужные вещи. И на селе, на селе, Ваня! Трактора пахут сами. Вечное солнце над посевами, три урожая в год, пять урожаев в год – и нет больше голодных в мире. Каждому, Ваня, по его потребности! Сколько надо... Да что там – сколько хочешь! На всех хватит! Ибо энергия есть, и она никогда никуда не пропадает!

Иван хмыкнул особенно выразительно.

– Слова, слова, слова? Эх, Ваня, да вот же, вот мой первый пока экспериментальный прибор. И это только начало новой эпохи. Золотой век, о котором столько говорили...

Профессор замер, прижал руку к шее и медленно завалился на спину. Голова ударилась деревянно по начищенному паркету. Выпученные глаза как будто пытались что-то увидеть.

– Эх, Петрович, ну, что ты полез в эксперименты? Писал бы свои статьи, защищал диссертации... Нобелевку получал бы. Зачем ты к практике перешел? Это же подумать только...

Иван говорил зло, все громче и громче, одновременно совершая целый ряд действий. Он поднял трубку телефона и набрал номер, и тут же положил трубку, даже не дожидаясь отзвона. Из сейфа вынимал лабораторные журналы и записи профессора. Осторожно брал в руки и рассматривал такой маленький и аккуратный прибор, который только что показывал ему ученый.

– Всем – и все. И бесплатно, то есть совершенно даром. И – сколько хочешь. И чтобы никто не ушел обиженным. Как только додумался до такого? На вид – умный человек... Был умный. Это же просто смерть человечеству. Это что получается: мы, значит, все это построим, а потом потомки наши будут сидеть, и даже жевать за них будет машина? И что им делать, потомкам? К чему стремиться? Что развивать и зачем, если все есть? Вон, как обезьяны – не становятся они умнее и развитее, потому что все у них есть и всего хватает. А может, эти обезьяны как раз потомки вот такого же профессора? Ну, ничего, ничего. Не зря у нас в каждом коллективе, в каждой лаборатории есть свои люди. Не допустим гибели человечества! Ишь, придумал чего...

В дверь уверенно побарабанили кулаком.

– Ну, вот и наши подъехали.

В утренних газетах сообщалось, что в результате преступно-халатного отношения к своим обязанностям профессора Василия Петровича Букина произошел взрыв и пожар в лаборатории, повлекший за собой гибель самого профессора и всех его трудов. Уголовное дело в связи с гибелью виновного не возбуждалось. И далее был призыв ко всем соблюдать пожарную безопасность, сообщать о пожаре по телефону «01» и экономить горячую воду и электричество.

Доброволец

– А тренировки будут? – спросил я. – Космонавты же тренируются?

Человек в золотых очках, назвавшийся Иваном Кузнецовым (просто какой-то детектив, и Джон Смит – агент чужой разведки!), тонко улыбнулся, как будто поддерживая шутку.

– Ну, что вы... Еще предложите покрутить вас на центрифуге, а потом отмывать все от рвотных масс. Чтобы тренировать кого-то надо точно знать, к чему мы его готовим. Вот, например, футбольный тренер. Он точно знает, в каком туре и в каком матче у его команды начнется спад, потому что физическая форма не может быть постоянно на высочайшем уровне. Все рекордсмены, все единоборцы – у них пик формы в нужный момент. И тренируют они те группы мышц, которые необходимы для победы. Бегуну нужны сильные ноги и большие легкие, Боксеру – крепкие ноги, мощные плечи и предплечья. И грудь еще. Борцы классического стиля... Ну, вы их видели – они такие, как заглаженные. Пловцы, велосипедисты... Даже шахматисты тренируются. Готовятся к встречам с тем или иным соперником, разбирают досконально каждый шаг, каждый ход в каждой партии, моделируют вероятности – а что будет, если я схожу внезапно вот так? Как тот, с которым скоро встречаться, отреагирует?

– Вот, – сказал я. – Даже шахматисты.

Золотые очки весело блеснули в луче солнца, пробившемся сквозь узкую щель между пластинок жалюзи.

– Но вы-то, вы-то – не шахматист! И никакой не спортсмен! И не с кем вам соперничать и бороться!

– А перегрузки?

Он даже остановился:

– Какие еще перегрузки? Вам же сказали, что – никакого космоса! Сказали?

Сказали, конечно. Они так всем говорили в длиннющей очереди добровольцев у парадного входа. Но я так думал, что эти слова были просто для отсеивания романтиков. А на самом деле, думал я, космос есть. И где иначе те миры, открытие и освоение которых нам обещали?

– У-у-у..., – грустно сказал человек в золотых очках. – Как все запущено. Так вы, что же, все еще верите в межзвездные космические путешествия и братьев по разуму в ближайшей галактике?

– Так, разве же...

– Нет. Нет, нет, еще раз нет и в сотый раз – опять нет. Я еще, может быть, понимал бы, если бы мы говорили с вами лет пятьдесят назад. Но сегодня, с современным уровнем информации... Хотя, конечно, кто ту информацию потребляет? Такие же ученые, как я сам?

– А вы, кстати, ученый – чего? – сразу спросил я.

Потому что, если он физик – это одно дело, если, скажем, астроном – это уже другое, а если медик – так совсем все понятно становится. Или почти все.

– Я – математик. Доктор математики Иван Кузнецов.

Ага. Как же. Не бывает таких докторов математики. Сказал бы просто – агент Смит из специальных органов. И сразу стало бы все понятно. Ведь все эти проекты – они страшно засекречены, чтобы никто не напортачил, и чтобы те, из-за бугра, не стащили наши разработки. А этот, ишь, математик... Орбиты рассчитывает, что ли?

Похоже, слово «орбиты» я произнес вслух. Глаза за очками в тонкой золотой оправе закатились вверх. Руки он развел в стороны, а потом тряхнул несколько раз, будто сбрасывая с них что-то. Помолчал, рассматривая меня в упор. Мы уже не шли никуда, мы стояли у стальной двери, подмаргивающей красным огоньком на пульте.

– Давайте, я вам еще раз объясню все. Итак, мы пришли к выводу, что тратить свое время на дальнейшую разработку совершенно фантастической теории возможности космиче-

ских полетов – бесполезно, бессмысленно и очень затратно. Именно поэтому постепенно были свернуты все эти ракетные проекты. Даже самая сильная ракета никогда не долетит до наших ближайших соседей. Вы просто подумайте, что такое – миллионы световых лет. Это не фантастика Ивана Ефремова и не Стругацкие какие-нибудь. Это – миллионы световых лет. Предположим, на какой-то дальней планете появилась жизнь. Вот она выросла, цивилизовалась и начала обрабатывать космос радиоволнами. Или чем-то еще – лазерами, может. Как мы сами еще недавно. Вот скажите, сколько лет нашей цивилизации?

– Ну-у-у... Тысяч сто?

– На самом деле даже меньше, Но пусть будет пятьсот тысяч. Пусть. И вот мы дожили до возможности посылать сигналы своим соседям. И послали. Вот сигнал плывет, плывет, плывет... Миллионы лет, понимаете? Со скоростью света – миллионы лет. А потом там его приняли, предположим, и отправили нам ответ. И еще миллионы лет. Что будет с нами через миллион лет? А? А с ними, которые приняли сигнал? Вот даже если мы вдруг примем такой сигнал от цивилизации, подобной нашей, это будет означать, что прошло миллионы лет с момент отправки сигнала. Понимаете? Тут не года и не сотни лет – миллионы! Совершенно бесполезная трата времени. И это мы говорим о волнах, распространяющихся со скоростью света! А если предположить космический корабль? Огромный дом с тысячами людей, летящий куда-то сотни миллионов лет. Сотни! Миллионов! Это даже не фантастика. Это просто абсурд какой-то.

– Но я читал про «кротовые ходы», про «черные дыры»...

– Фантастика. Фантастику я тоже читаю. Очень помогает. Прочтешь такое, посчитаешь на бумажке столбиком – смешно. Кстати, обратили внимание: в последних фантастических произведениях буквально общей традицией стало какое-то подпространство и полеты только от точки входа-выхода в него до ближайшей планеты. То есть, моментальный перенос куда-то, а потом недели на швартовку. И месяцы. Они еще и про телепортацию, ага. Все это – фантастика. А у нас – реальное дело.

Я не понимал. Если полета не будет, то куда же меня...

– Про параллельные вселенные слышали? Наверняка и такое читали. Так вот – это гораздо реальнее космических полетов. И, кстати, вполне описывается с помощью математических моделей. А математика все-таки царица наук. И не спорьте, не спорьте. Все, что реально существует, можно измерить и посчитать. И обратный вывод: все, что можно описать математикой – существует. Вот так мы и пришли к этому эксперименту. Кстати, мы пришли с вами туда, куда зовет нас наш, этот, жребий...

Он нажал несколько кнопок, прижал большой палец правой руки к панели, заглянул одним глазом в какой-то окуляр. Загудело, красный свет сменился зеленым, толстая стальная дверь медленно поползла в сторону.

– Ну, вперед, герой! – он подтолкнул меня, и я сделал шаг через порог.

Сзади глухо чмокнуло, отсекая белый пустой коридор. Впереди все гремело и плыло. Огромные печи, как в кино про какие-то заводы. Языки пламени. Трубы. Люди в черном, мечущиеся между горячим железом. Решетчатые стальные полы. Темные стены. Металл. Много гремящего горячего металла.

– Вот, – прокричал мне в ухо доктор математики, обводя рукой окружающее. – Вот наше решение!

– Не понял...

Но уже подбежали те, что в черном и опаленном, подхватили под руки, повели вперед. Доктор математики Иван Кузнецов шел рядом и перекрикивал гул пламени:

– Ничто не исчезает бесследно и не возникает из ничего! Понимаете? Ничто! Материально ли сознание? Мы считаем – еще как материально. Значит, если здесь сознание исчезло,

где-то там оно появилось. Потому что нет никакого исчезновения. Есть только переход. Но сознанию нужен носитель. Вот, как есть, такой. И мы поэтому делаем – что?

Он повернулся ко мне. Стекла очков полыхали багровым.

– Что мы здесь делаем? А?

Я молчал, не понимая.

– Мы сжигаем, понимаете? Мы в специальном сверхсильном пламени сжигаем носителя и его сознание. Что остается? Ни-че-го. Но так ведь не бывает. Значит, где-то там он появляется вновь. Вот отсюда ваша задача: появившись в другой вселенной попытаться достучаться до нас. Кстати, некоторые тут пытались сначала обездвиживать носителя или даже кололи препаратами разными. Но так же нельзя! Ведь тогда он и там окажется в таком же состоянии! Нет! Только в том виде, в каком мы хотим его послать в другую реальность. Понимаете меня?

Я рванулся, но их было больше. Меня просто подхватили на руки и потащили все ближе и ближе к жерлу печи. Кричать было бесполезно. Но я кричал.

А сзади перекрикивал всех математик:

– Ногами вперед, ногами! А то в прошлый раз сунули головой – вот и потеряли сознание раньше, чем исчез носитель. Эксперимент продолжается!

Дождь

Весь день ломило затылок, как с тяжелого похмелья, и тянуло в сон. Иногда он ловил себя на том, что по-настоящему засыпает с открытыми глазами. Тогда вставал, выходил из кабинета, старательно улыбаясь всем остальным, шел длинным коридором по красной ковровой дорожке в туалет и там тщательно умывался холодной водой. Медленно и обильно поливал голову. Потом промокал слегка бумажным полотенцем и шел обратно.

– Что, Вить, давление после вчерашнего? – встретили его смехом после четвертой отлучки, когда он входил с мокрой головой, оставляя за собой мелкую капель на пыльном полу.

– Да не было вчера ничего такого, – бурчал он, проскальзывая в свой угол и скрываясь за монитором компьютера.

– Это у тебя, Витюш, давление – так получается. Старость подкрадывается...

Он молчал, не отзывался, чтобы не привлекать еще больше внимания. Женский коллектив – это особое сообщество. Тут только повод дай – сразу все бросают работу, собираются вокруг этого повода и обсуждают его, обсуждают, обсуждают...

Ровно в семнадцать пятнадцать он выключил компьютер и выскочил на улицу, на ходу прощаясь со всеми. Зонт в одной руке – на всякий случай, айфон с кино и всякой музыкой внутри – в другой. Пока дождя нет, надо успеть добежать до автобусной остановки. А уж в автобусе можно будет хоть и книгу почитать – для кино и музыки шумновато там.

Зонт он взял утром, посмотрев прогноз. В Интернете местные метеорологи уверяли, что день будет солнечным и теплым. Они опять забыли посмотреть в окно! Черные тучи прижали город к земле. На улице было как-то серо, неуютно и темно. И очень сильно пахло бензином, потому что некуда было деваться выхлопным газам из-под накрывших город плотных туч. Над колоннами легковушек стоял сизый туман. А когда пошли-поехали на работу огромные МАЗы и КАМАЗы, то продыху просто совсем не стало.

Такой же сизый туман стоял над шоссе и сейчас.

Виктор переждал, задерживая дыхание, до зеленого света, перебежал на другую сторону и тут же углубился во дворы. Вдоль дороги идти было быстрее, потому что прямо, но дышать там совсем нечем стало. На ходу он поглядывал вверх. Тучи клубились, как в фантастическом фильме, и цеплялись за крыши. У стандартных двадцатипятиэтажных башен крыши уже совсем не было видно.

Он прибавил ходу – а ну как вдарит? Зонт – зонтом, но промокнешь все равно. Да и зонт-то был старенький и дохленький. Одна спица сломалась давно, внутри зонта проступили рыжие пятна ржавчины, доказывающие, впрочем, что основа и правда была «из железа», как и утверждал узкоглазый хитрый продавец в переходе год назад.

Вдруг ощутимо похолодало, как будто на улице кто-то включил огромный кондиционер.

Виктор, постепенно замедляя шаг, подошел к стеклянной прозрачной автобусной остановке и встал у бордюра в толпе таких же ожидающих. Видимо, автобуса давно не было. Пробки, дело привычное.

Только он достал из кармана свой айфон и мазнул пальцем, вызывая меню выбора книг, что-то холодное опустилось на бритую голову.

«Ну, вот, начинается», – подумал он, делая два шага назад и укрываясь под навесом. Что именно начинается, он не уточнял, потому что на асфальт стал сыпаться не град даже, а как будто легкий и прозрачный снежок. Это летом-то! Снег становился все сильнее, потом сменился такими же мелкими сухими ледышками, и, наконец, ударил крупный, ровный, как на продажу, град.

Как по команде над толпой с треском распахнулись зонтики.

И тут же медленно подкатил автобус.

Зонтики сложились.

Град сменился редкими крупными каплями дождя. Они все чаще ударяли по стеклу остановки, по крыше автобуса, терпеливо ожидающего, пока в его нутро втянется длинная очередь растерянно озирающихся и все время посматривающих вверх пассажиров с мокрыми зонтиками в руках.

За стоящим образовался вдруг второй автобус, и Виктор кинулся к нему, подняв плечи и прикрывая телом экран своего мобильного. Дождь усиливался. Теперь он уже громко барабанил по крыше, взбивал пену у обочин.

Перед Виктором в автобус, весело покрикивая, вбежали двое смуглых улыбчивых узбеков или таджиков. Виктор уже знал, что они пройдут по одному талону, плотно прижавшись друг к другу.

Оттолкнув Виктора, мимо «черных», пригнувшись под турникет, шмыгнула без билета какая-то девчонка в линяло-розовом джинсовом костюме.

– Э, дэвушка! – сказал укоризненно тот, что повыше и прижался к низкому, проходя с ним через турникет. За ними прошел в салон Виктор. Плечи промокли, но в целом он был почти сухим. Даже зонтика еще не открыл ни разу.

И тут без грома, без молний небо как будто рухнуло.

Стало так темно, что водитель включил фары.

Обрушился сплошной поток воды, скрывший для пассажиров и автобусную остановку, и противоположную сторону улицы. Окна тут же запотели.

Автобус скрипнул, хлопнул дверями, дернулся и медленно, буквально «на цыпочках», двинулся вперед. Сквозь переднее стекло, регулярно обегаемое большими «дворниками», впереди ярко горели стоп-сигналы легковушек, медленно, с остановками везущих народ по домам.

Виктор прислонился к поручню и, включив мобильник, ткнул пальцем в выбранную книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.